

А. В. Брыков

Лауреат Ленинской премии,
заслуженный деятель науки и техники РСФСР,
почетный академик и действительный член
Академии космонавтики им. К.Э.Циолковского,
доктор технических наук, профессор

**СПРАВЕДЛИВОСТЬ ДОЛЖНА
ВОСТОРЖЕСТВОВАТЬ**

2005

Не так давно отмечали столетие со дня рождения замечательного ученого в области ракетостроения и космонавтики Михаила Клавдиевича Тихонравова. Он много лет работал в НИИ-4, руководил рабочей группой молодых специалистов, которые под его руководством внесли неоценимый вклад в теорию создания составных жидкостных баллистических ракет пакетной схемы. Разработки этой группы сыграли важную роль в обеспечении приоритета нашей страны в запуске первого спутника – открытии космической эры и в запуске космического корабля с человеком на борту – Юрием Алексеевичем Гагариным.

«Группа Тихонравова» и руководство 50 ЦНИИ КС, 1976 г.

Сидят (слева направо): генерал-майор И. А. Панкратов, Л. Н. Солдатова, генерал-майор Г. П. Мельников, И. М. Яцунский, генерал-майор И. В. Мещеряков; стоят: И. К. Бажинов, О. В. Гурко, Я. И. Колтунов, Г. Ю. Максимов, Г. М. Москаленко, А. В. Брыков

Участники этих событий не только вносят свой вклад в развитие космической науки, но и заботятся о том, чтобы в историю возникновения и развития этих исследований не попадали ложные сведения, по крайней мере, касающиеся нашего института.

На сегодняшний день уже написано три книги о «делах» наших ученых в области космонавтики, начиная с момента зарождения первых научных работ в НИИ-4 и до разработок в наши дни.

Первая книга (дадим ей индекс для ссылок К-1) написана участником группы Тихонравова Брыковым Анатолием Викторовичем. В 1993 году она вышла из печати под названием «К тайнам вселенной» М.: Инвенция, 1993.– 352 с. В ней описывается научная деятельность коллектива сотрудников НИИ-4 и воинской части 25840, который под руководством Михаила Клавдиевича Тихонравова проводил исследования с перспективой подготовить теоретические основы для создания искусственного спутника Земли. Я не профессионал в части написания книг исторического содержания, но так уж вышло, что эта книга получила очень высокую оценку заместителя директора по науке Мемориального музея космонавтики Юрия Васильевича Бирюкова (см. сборник «Из истории авиации и космонавтики» выпуск 66, М., 1995 г.). В завершении статьи Ю. В. Бирюков пишет: «350 страниц книги прочитываются на одном дыхании, превосходя по своему воздействию любую другую из научных, популярных и публицистических книг, освещающих историю нашей космонавтики, которые мне пришлось читать почти все... Издана она добротнo и могла бы во всех отношениях стать украшением знаменитой серии «Жизнь замечательных людей». Единственный недостаток – мал тираж!»

Вторая книга (дадим ей индекс для ссылок К-2) написана Александром Илларионовичем Зузульским – журналистом, кандидатом исторических наук по заказу участника группы Тихонравова Олега Викторовича Гурко. Называется книга «Впереди своего времени» М.: СИП РИА, 2000. – 536 с. Основное внимание в книге уделяется деятельности Гурко.

О. В. Гурко пришел в отдел в октябре 1951 года (К-2, стр. 78), был очень аккуратен в своем поведении среди наших ученых, отличался повышенной «говорливостью» и умением достаточно удачно создавать в коллективе благоприятное впечатление о своих научных разработках. Однако с его приходом со временем было замечено, что его разработки, как правило, выполнялись либо в «сотрудничестве» с другими учеными, либо представляли собой чистейший плагиат. В этом ему в некоторой степени невольно способствовал руководитель наших работ Михаил Клавдиевич Тихонравов. Так, определяя членам своей «группы» задания на решение каких-либо научных задач, Тихонравов почему-то своему «подопечному» Олегу Викторовичу подготавливал задачу для решения обязательно совместно с И. М. Яцунским! Поэтому большое число исследований Яцунского впоследствии вошли в список научных трудов этого «сотоварища» либо как авторские, либо как собственные разработки в соавторстве с Яцунским, либо на «законном основании», так как Яцунский стал официально консультантом его кандидатской диссертации. Правда, наш «герой» всячески скрывал свое соавторство с другими учеными и особенно, конечно, использование чужих работ в качестве своих научных разработок! И длительное время ему удавалось это осуществлять безнаказанно. Однако уже чувствовалось, что конфликтной ситуации не избежать!

Третья книга Брыкова Анатолия Викторовича (дадим ей индекс для ссылок К-3) «Пятьдесят лет в космической баллистике» М.: СИП РИА, 2002.– 50 с. Здесь частично излагается деятельность отдельных сотрудников группы Тихонравова. А на страницах 43, 44 и 45 представлен полный текст отзыва Ю. В. Бирюкова на первую книгу (К-1).

Я взялся за написание этой статьи не случайно. Фактически я вынужден защищать свою честь. В книге «Впереди своего времени» совершенно незнакомый со мной автор дает столь некорректное представление моей деятельности и некоторых исторических событий, что я не могу молчать! В описании моей деятельности допущены такие

существенные искажения, что я должен требовать от автора либо публичного извинения через печать, либо будем решать это «дело» в судебных органах!

Итак, начнем знакомство с книгой (К-2) Александра Илларионовича Зузульского. Открывая книгу, с большим сожалением приходится отметить, что уже в первом абзаце книги на стр. 2 содержатся, с точки зрения истории космонавтики, две принципиальные *неточности*, которые сразу портят впечатление о книге. Во-первых, здесь О. В. Гурко представлен *инициатором* предложения о запуске ИСЗ с использованием баллистической ракеты Р-7 и, во-вторых, *крупным ученым* в области практической космонавтики! И то и другое не соответствует действительности.

Известно, что уже в марте 1950 года, когда Гурко еще был студентом, на конференции в НИИ-4 в присутствии представителей всех организаций страны, занимающихся ракетной техникой, М. К. Тихонравов объявил: «Мы разрабатываем межконтинентальную жидкостную баллистическую ракету, способную *надежно* обеспечить безопасность нашей страны от ядерных сил США. Причем специфика разрабатываемых нами ракет такова, что если мы создадим ракету, которая была бы способна доставить нашу атомную бомбу (весом более 3 тонн) в любую точку на территории США, то, как известно, «автоматически» всегда решалась бы и задача создания искусственного спутника Земли (ИСЗ) несколько меньшего веса». В частности, группа ученых под руководством Тихонравова уже приступила к разработке космической лаборатории (будущий ИСЗ № 3) под составную межконтинентальную баллистическую ракету. Я лично принимал участие в этих разработках и не понимаю, причем же здесь студент Гурко, тогда совершенно не имевший никакого отношения к этим работам!!! Заметим: Тихонравов еще в 1950 году был уверен в том, что если только межконтинентальная ракета будет создана на базе «пакетной» или «тандемной» схемы, то появится возможность не только запустить ИСЗ, но и вывести в космос человека! (см. доклад Тихонравова в 1950 г.). Не солидно

Гурко покушаться на звание «инициатора запуска ИСЗ на составной ракете Р-7», принадлежащее М. К. Тихонравову!

Ну, а уж Вам, Александр Илларионович, журналисту, кандидату исторических наук, как же не удалось обратить внимание на эту «тонкость»? Теперь ждите от Гурко претензии. Вы ведь поставили его в очень и очень смешное положение!

Что касается «второго положения» о «крупном ученом», у нас есть мнение вполне компетентного человека, хорошо знающего Гурко, Героя Советского Союза космонавта Г. С. Титова. Поэтому, видимо, будет целесообразно в дальнейшем изложении вместо термина «крупный ученый», в качестве определения деятельности Гурко, принять предложение Германа Степановича Титова, приведенное в предисловии к книге К-2 (стр. 4) в следующем виде: Гурко – рядовой старший научный сотрудник НИИ-4, ряд предложений которого «вышло» на правительственный уровень. Это замечание дается без доказательства.

При написании книги «Впереди своего времени» авторы (Гурко и Зузульский) использовали книгу «лучшего друга Гурко» И. В. Мещерякова «В мире космонавтики», изданную в Нижнем Новгороде в 1996 году (К-2, стр. 108 и 366). В той книге, в частности, освещены «в научно-популярной форме вопросы физики космоса, особенности движения спутников, их запуска и управления в полете». На страницах 66 и 67 представлен состав группы «основоположников баллистического проектирования КА и обеспечения управления полетами в космосе» в следующем составе: И. М. Яцунский, П. Е. Эльясберг, А. В. Брыков, И. К. Бажинов, Т. М. Энеев, М. Д. Кислик, Э. Л. Аким, А. И. Сафонов, Д. Е. Охоцимский, Р. Ф. Апазов, В. К. Безвербый, Г. Н. Дегтяренко, В. Н. Почукаев, Е. Б. Макаров, В. Д. Ястребов, Н. М. Барабанов, А. В. Цепелев, П. А. Буцко, Н. М. Иванов, Э. Ф. Зорин и др.

И на странице 282 книги Мещерякова также представлены фотографии Бажинова, Брыкова, Чаплинского и Цепелева. А вот фамилия «крупного

ученого» и «инициатора предложения о запуске ИСЗ с использованием ракеты Р-7» Олега Викторовича Гурко *во всем тексте книги* (более 360 страниц) *ни одного раза не приводится!* В книге же авторов К-2 почти все страницы «пестрят» фамилией Гурко и местоимениями типа: «я», «его», «он», «мне»...

Как же так, до 2000 года основные участники работ по подготовке и обеспечению пусков КА и руководители нашего института ничего не знали об участии Гурко в этих работах (см. книгу И. В. Мещерякова), а в 2000 году, с появлением книги Зузульского оказалось, что в нашем институте работает один из ведущих участников этих работ доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники РФ, действительный член Академии космонавтики им. Э. К. Циолковского?

Дорогой Александр Илларионович, Вы что же и на это не обратили внимания? Как Вы можете это объяснить? Ведь историю следует писать объективно! Или Вы, возможно, полагаете, что Олега Викторовича следует «поместить» в ряд: «Циолковский, Тихонравов, Гурко, Королев, Келдыш и др.» (К-2, стр. 288)?

Обратимся теперь к существу дела. Знакомство с книгой Зузульского (К-2) показывает, что в группе Тихонравова уже много лет зрела конфликтная ситуация между «старшим товарищем» – такой псевдоним присвоен мне, Брыкову А. В., авторами К-2 – и «младшим товарищем», Гурко О. В. И вот здесь, пожалуй, очень к месту заявить, что, по моему мнению, дорогой Александр Илларионович, Ваша К-2 содержит ценнейшие материалы, позволяющие объективно разобраться в данном конфликте и все поставить «на свои места».

На мой взгляд, если О. В. Гурко не будет отказываться от того, что с его подачи написано в книге (К-2), то конфликт будет успешно разрешен! Первопричиной начала конфликта является попытка О. В. Гурко защитить докторскую диссертацию с нарушением принятых в стране правил и моя попытка не допустить приема к защите этой дефектной диссертации.

В начале 1970-х годов О. В. Гурко написал докторскую диссертацию, основные результаты которой, по его мнению, претендуют на открытие «нового направления в теоретической и практической космонавтике!» Оно касается создания в стране нового, действительно очень перспективного, вида летательного аппарата с комбинированным реактивным двигателем (ЛКА). Исследования он начал совместно со своим учеником А. А. Пивоварчиком, который проблему определения параметров ЛКА в первом приближении решил в своей кандидатской диссертации, а их уточнение должен был завершить его руководитель в своей докторской диссертации. Предполагалось, что после защиты А. А. Пивоварчика его руководитель, используя приближенные параметры ЛКА, полученные Пивоварчиком, уточнит их и даст заключение о возможности создания ЛКА с такими параметрами при современном состоянии науки и техники. В тексте диссертации Гурко приведен математический аппарат, на базе которого предстояло решать проблему.

Пивоварчик успешно защитил кандидатскую диссертацию в 1969 году. Через четыре года и О. В. Гурко представил свою докторскую диссертацию Ученому совету (К-2, гл. 2–7, стр. 299–320). Как выяснилось в процессе защиты диссертации, основную задачу, связанную с оптимизацией параметров ЛКА, он не решил, а в качестве решения представил результаты, полученные его учеником, в его кандидатской диссертации. Таким образом, в первом варианте докторской диссертации О. В. Гурко, которая рассылалась оппонентам и другим организациям в соответствии с положением о защите докторских диссертаций, содержались результаты в точности такие же, как и в кандидатской диссертации Пивоварчика (графики печатались с одних и тех же калек!). Когда же это выяснилось, автор испугался и срочно провел два мероприятия: во-первых, изъял из сов. секретной диссертации графики с результатами Пивоварчика и вклеил на их место те же графики, выполненные в более мелком масштабе, и, во-вторых, дал задание своим «сотоварищам» разыскать и привлечь на Ученый совет Пивоварчика. Как

видно из книги (К-2), с приглашением Пивоварчика возникли трудности – он жил и работал в Подольске. Однако и эту проблему Гурко удалось решить (К-2, стр. 314, 315). На защите уже фигурировали графики, по форме отличные от тех, которые были в диссертации Пивоварчика! Моему выступлению на Ученом совете в книге Гурко уделил одиннадцать строк (К-2, стр. 316), при этом совершенно не коснулся высказанного мною обвинения диссертанта в плагиате, но особо отметил, что цитаты я приводил на «плохом английском языке» (К-2, стр. 316). Я не знаю ни «плохого», ни «хорошего» английского. Возможно я говорил на французском? Приглашенный на Ученый совет Пивоварчик заявил: «Хочу довести до сведения Ученого совета и всех, находящихся здесь, что некоторые выступающие пытаются ввести в заблуждение слушателей защиты. Поэтому считаю своим долгом заявить, что тема, по которой написана моя кандидатская диссертация, задолго до этого разрабатывалась Олегом Викторовичем Гурко. Эта идея и постановка проблемы принадлежит ему, а не мне, как утверждал предыдущий оратор, мною лишь разработан математический аппарат для решения отдельных проблем, а все научные результаты получены под руководством Гурко. В моей работе рассмотрена только часть проблемы, полное решение которой изложено в докторской диссертации Гурко» (К-2, стр. 317). (Пивоварчик, видимо, еще и не знал содержания диссертации Гурко?)

Что же это за «проблема», с которой нам советует Пивоварчик ознакомиться? Проблема очень ясно изложена самим Гурко (К-2, стр. 302): «В отличие от существующих ракет-носителей новые ЛКА предлагаемого класса способны в одной ступени выходить на орбиту, совершать орбитальный полет, маневр и спуск, что в корне меняет подход к оптимизации их движения и выбору конструктивно-баллистических характеристик. Активный участок новых ЛКА существенно отличается от активного участка ракеты-носителя в связи с наличием в комбинированной двигательной установке воздушно-реактивного двигателя. Таким образом,

при создании ЛКА этого класса разработка основ теории полета и баллистическое проектирование становится *принципиальным* вопросом. Целью моей диссертации и было решение этих проблем». Следовательно, без решения этой главной проблемы невозможно создать надежный аппарат рассматриваемого класса. И Гурко это понимает. Так как же тогда вместо решения этой проблемы он предлагает использовать результаты своего ученика, полученные им в кандидатской диссертации для решения «только отдельных» из требуемых проблем! А полное решение, как полагал честный ученый А. А. Пивоварчик (ведь у Гурко было четыре года на решение этой проблемы!), должен был разработать Гурко! Но он этого не сделал!!!

Отсюда следуют два вывода: во-первых, представленная докторскому совету диссертация О. В. Гурко докторской степени не заслуживает и, во-вторых, использование полученных А. А. Пивоварчиком характеристик параметров для создания проектируемого ЛКА принципиально недопустимо! Ведь в результатах Пивоварчика даже нет полного набора параметров рассматриваемого типа ЛКА!

Однако для Гурко эти «препятствия» оказались вполне преодолимы. Совершенно не удовлетворяющая основным требованиям ВАК докторская диссертация Гурко представляется к защите на нашем Ученом совете. Я попытался найти пути «выхода» из создавшейся ситуации. Мне даже удалось получить диссертацию Пивоварчика, сравнить диссертации, установить факт плагиата и доложить свой вывод председателю Ученого совета Г. П. Мельникову, который тот час же собрал всех ученых нашего института, входивших в состав совета, и, предъявив участникам совещания обе диссертации, предложил доложить членам совета мои выводы.

Я заявил, что диссертация содержит полный набор основных результатов исследований, представленных в кандидатской диссертации его ученика А. А. Пивоварчика, а по форме отличается только масштабом представленных графических материалов. Совпадает даже подрисуночный текст на некоторых страницах. Отметил, что масштаб графиков был изменен

перед самой защитой, когда все отзывы на диссертацию были уже в институте.

Не имея способностей решить поставленную задачу, автор пошел по привычному для него пути: представил за свои уточненные исследования результаты кандидатской диссертации А. А. Пивоварчика. Это явно следует из сравнения кандидатской диссертации ученика и докторской диссертации учителя, что фактически и было подтверждено А. А. Пивоварчиком в последствии в ходе защиты докторской диссертации «героем» (К-2, стр. 317).

«Герой» принял даже ряд мер, чтобы члены совета не смогли ознакомиться с кандидатской диссертацией А. А. Пивоварчика. В первую очередь, защита кандидатской диссертации Пивоварчика была организована в Военной академии им. Ф. Э. Дзержинского, что ранее в нашем институте без «особых» причин не практиковалось. Кроме того, единственный экземпляр диссертации своего ученика «герой» долгое время хранил в личном сейфе, ограничивая возможность членам совета сравнить диссертации. Все это, казалось, содержит какую-то тайну. Геннадий Павлович Мельников очень переживал и просил наших ученых внимательно отнестись к разрешению возникшей ситуации. В результате ко дню защиты Г. П. Мельникова куда-то «отослали», а заседание совета проводил И. В. Мещеряков.

Гурко удалось защитить диссертацию по специальности 20.02.15 «Динамика движения и маневрирования боевых средств, внешняя баллистика» с блестящим результатом: двадцать «за», два «против»! Здесь, безусловно, скрыта еще одна какая-то странность! Как же это могло случиться?

Специалист «двигателист», не имеющий ни одной разработки по специальности 20.02.15, в 1973 году защищает докторскую диссертацию с таким блестящим результатом! И хотя многим членам совета была известна способность Гурко успешно использовать чужие научные разработки, только одним этим обстоятельством объяснить создавшуюся ситуацию, видимо,

нельзя! Искать же среди многолетних «разработок» автора примеры его плагиата – непосильный труд и очень-очень малая эффективность результатов! А вот когда в 2000 году в издательстве СИП РИА вышла объемная книга (543 стр.) А. И. Зузульского «Впереди своего времени» (К-2), в которой описывается научная деятельность нашего «героя», появилась реальная возможность *обоснованно* раскрыть лицо этого ученого как в части представленной совету докторской диссертации, так и в части ярко представленных «художеств» «героя» книги, которые прежде упорно скрывались, а теперь открыто и с согласия «героя» книги представляются научной общественности. А у меня появилась надежда спасти наших ученых от постоянной пустой «говорильни», сопровождающей героя везде, где бы он ни появлялся.

А это в данном случае особенно важно, так как автор книги Зузульский избрал такой стиль изложения материала, при котором у читателя не возникает никакого сомнения, что все высказывания Гурко действительно принадлежат ему! (К-2, стр. 6–14). А вот соответствуют ли его высказывания действительности – это уже другой вопрос! Приведем только один пример.

Известно, что при пуске космического корабля «Восток» с Гагариным была принята программа полета в «одновитковом» варианте с использованием тормозного двигателя, а в случае отказа тормозного двигателя корабль с Гагариным должен был остаться на нескорректированной десятисуточной орбите с «непредсказуемой» точкой посадки в конце полета. Таким образом, в случае отказа тормозного двигателя создавалась аварийная ситуация!

Блестящая идея Яцунского: организовать, в случае отказа тормозного двигателя, управление торможением корабля за счет изменения его положения относительно набегающего потока воздуха и разработать программы управления кораблем для космонавта в книге (К-2) приписана Зузульским только своему «герою» и искажена до неузнаваемости!

Было известно, что для обеспечения требуемых условий посадки корабля (в случае отказа тормозного двигателя) необходимо так организовать управление полетом корабля, чтобы не допустить существенной деформации расчетной эллиптической орбиты! Эту задачу и решали И. М. Яцунский, О. В. Гурко и Г. М. Соловьев. Под руководством Яцунского была разработана программа работы пилота на двое суток и доставлена на борт корабля Восток. Программу составил Игорь Марианович, расчеты на ЭВМ выполнял Соловьев, в анализе результатов расчетов и в выборе параметров управления кораблем принимало участие все трио.

И вот теперь появилась возможность из книги А. И. Зузульского узнать, как к этой проблеме относится ее «герой» и что нового он предложил! С первых же страниц, описывающих подготовку к пуску, «герой» утверждает, что Яцунский *за две недели до пуска Гагарина* дал ему задание найти способ посадки космонавта на территории СССР в случае отказа тормозного двигателя (К-2, стр. 174). Здесь «действительность» уж очень искажена! Этого быть не могло, за две недели даже орбита еще не была известна! Это имеет принципиальное значение, так как методика, разработанная группой Яцунского, была пригодна *только* для случая спуска КА, движущегося по эллиптической орбите в течение длительного времени (в рассматриваемом случае – 10 витков!). А что «аварийная орбита» будет иметь как раз такие параметры, стало известно *только* за сутки до пуска! На следующей странице книги уже идет описание трех принципов, положенных в основу предложенного метода. Здесь новое только то, что «герой» присвоил себе авторство всех трех принципов, а расчеты Соловьева представил лишь как проверочные!

Искажение «действительности» здесь не было случайным. «Герой» решил все разработки по этой проблеме использовать для своей кандидатской диссертации. Две недели на разработку методики потребовались «герою» только для того, чтобы придать солидность разработанной методике. Это же не сутки! А шесть строк в книге на странице

177: «Телеграмма в соответствии с установленной субординацией была подписана начальником института генерал-лейтенантом А. И. Соколовым, его заместителем Ю. А. Мозжориным, начальником лаборатории И. М. Яцунским. Последней, как водится в подобных случаях, значилась фамилия непосредственного автора разработки инженер-капитана Гурко». Так «герой» исключил из авторов методики руководителя и главного ее исполнителя Яцунского, а также разработчика программы управления полетом КА Г. М. Соловьева, а все разработки группы использовал в своей кандидатской диссертации.

Гурко удалось уговорить Г. С. Нариманова принять на себя роль руководителя его кандидатской диссертации, тема которой касалась идеи Яцунского, содержала разработанные всей группой принципы спасения космонавта и программу управления полетом в аварийной ситуации, представленную Королеву на полигон перед пуском Гагарина. Нариманов дал согласие на замену руководителя и попросил П. Е. Эльясберга ознакомиться с диссертацией Гурко.

Знакомясь с кандидатской диссертацией Гурко, член Ученого совета П. Е. Эльясберг, усомнившись в ее достоинствах, спросил у автора: «Вы здесь сами все придумали, Олег Викторович, или вам кто помогал?» (К-2, стр. 248). Здесь речь идет о разработках Яцунского, использованных Гурко в своей кандидатской диссертации. Оскорбленный Гурко дает ответ: «Сам Эльясберг занимался учетом влияния атмосферы на орбиту ИСЗ, все время усложняя математический аппарат, но практического выхода так и не получил. *Идея Гурко* использовать аэродинамические силы для коррекции элементов орбиты в определенной степени обесценивала его труды, чем и объясняется его пристальный и недоброжелательный интерес к диссертации Гурко» (К-2, стр. 248). Очередной раз повторяется ситуация: опять идея Яцунского стала идеей Гурко!!! Несмотря на достаточно невысокий уровень работы (такое мнение мне высказал Павел Ефимович), Гурко защитил кандидатскую диссертацию!

Наиболее «ярко» моральные качества «героя» проявились при описании его взаимодействия с Яцунским. В течение многих лет Гурко работал в основном под руководством Игоря Мариановича, который был также и руководителем его кандидатской диссертации. В период завершения работы над кандидатской диссертацией у Гурко неожиданно появилась возможность за счет замены руководителя использовать более «надежный» путь достижения цели. Действительно, когда научным наставником у него стал один из руководителей института Г. С. Нариманов, проблемы с защитой исчезли!

Почти с самого начала (К-2, стр. 30) и до самого конца книги, везде, где только это было возможно, Гурко подчеркивал, что Игорь Марианович работал под его научно-методическим руководством! Маразм! А высшим его «достижением» в этом направлении был описанный в книге «тонкий маневр», когда он представлял процесс подготовки и отправки на полигон С. П. Королеву телеграммы с программой управления полетом Гагарина на случай отказа тормозного двигателя (К-2, стр. 177). Здесь Яцунский был представлен начальником лаборатории, а *исполнителем всей работы* – Гурко. Так Гурко в очередной раз стал единственным автором разработки, выполненной Яцунским (основной исполнитель), Соловьевым (ответственным за расчеты программы на ЭВМ), Гурко (оформление телеграммы). Свое авторство он подтверждает еще дважды (К-2, стр. 178 и 179).

«Блестящий успех» с защитой кандидатской диссертации, безусловно, вдохновил Гурко рискнуть повторить его на более высоком уровне. Найти способ защитить *докторскую* диссертацию! Путь тот же!

После защиты вся деятельность диссертанта была сосредоточена на пропаганде научных достижений, представленных в его докторской диссертации. При этом «слушателями» его, как правило, были высокопоставленные представители власти, руководители КБ и НИИ, ученые АН СССР, работники министерств и высоких партийных органов. Вот

неполный список интересных, выдающихся и известных людей, с кем ему приходилось встречаться: это президенты АН СССР академики С. И. Вавилов, А. Н. Несмеянов, М. В. Келдыш, А. П. Александров, это профессора В. П. Ветчинкин, М. К. Тихонравов, Ю. И. Данилов, академики Г. И. Петров, Б. Н. Петров, С. П. Королев, авиационные генеральные конструкторы В. М. Мясищев, О. К. Антонов, Н. Д. Кузнецов, А. И. Микоян, известные военные руководители ракетно-космической отрасли генерал-полковник А. А. Максимов, генерал-полковник Г. С. Титов, генерал-лейтенант И. В. Мещеряков, помощник Министра обороны генерал-полковник Н. В. Илларионов, генерал С. С. Трунов, а также ответственные работники правительственного уровня, среди них заместитель председателя ВПК Г. Н. Пашков (К-2, стр. 10).

А самое удивительное во всей этой истории состоит в том, что, как утверждает автор книги, его «герою» оказывали поддержку многие крупные представители руководства страны, вплоть до членов Политбюро ЦК КПСС (К-2, стр. 444, 464, 500).

Таким образом, обманутыми оказались члены Ученого совета, ученые, давшие положительные отзывы на диссертацию, «черный оппонент» и комиссия ВАК, присудившая «герою» ученую степень доктора технических наук! А наука получила еще одного фальшивого доктора!

Следует здесь отметить, что «герой» и для ВАК подготовил сюрприз. Как позднее стало известно, в документах, представленных в ВАК Ученым советом, из выступления А. В. Брыкова исчезло подтвержденное советом обвинение диссертанта в плагиате. «Герой» объяснил это обстоятельство «...разрывом ленты магнитофона во время выступления А. В. Брыкова, и что его выступление восстанавливалось из обрывков ленты»!!! А куда делся мой секретный отзыв? Неизвестно!

Подумать только, что более 30-ти лет жизни «герой» потратил на попытки реализовать свои «новейшие образцы» ЛКА, точно зная, что представленные в докторской диссертации характеристики фальшивые! Пять

президентов АН СССР, трое академиков АН СССР, трое профессоров, четверо главных конструкторов и пять генералов систематически оповещались «героем» о ходе реализации его идеи.

Однако на что же рассчитывал Гурко, атакуя в течение десятков лет своими многочисленными докладами руководство страны (К-2, стр. 29, 30)? Естественно, удовлетворить свое страстное желание создать «гурколет» МГ-19 и прославить свое имя на века! Так как Гурко был не в состоянии построить первый аппарат на свои деньги, то единственная возможность «отобрать» эти деньги у нас – жителей страны. Пока эта попытка ему не удалась. Ну, а если он получит через государство народные деньги и у него появится возможность построить, ориентируясь на результаты своей докторской диссертации, пока только один экземпляр МГ-19, то в проекте ЛКА он дальновидно предусмотрел возможность разборки и сборки этого первого образца МГ-19, для того чтобы, когда выяснится, что созданный образец при попытке испытать его в полете от земли оторваться не сможет (а в этом не может быть никакого сомнения!), можно было его разобрать на части, перевести в музей, поместить рядом с «Бураном», собрать его и, наконец, предоставить Гурко возможность поработать около этого образца экскурсоводом. Здесь от него будет хоть какая-то польза. Вместо президентов, главных конструкторов, министров и т. п. у него появится возможность пообщаться с простым народом, т. е. людьми, на чьи деньги он построил «гурколет», и вот им рассказать о переживаниях, связанных с возникшими у него трудностями реализации своей идеи создания недействующего образца МГ-19.

Ну, а если государство не даст денег на реализацию идеи Гурко?... Тогда Гурко придется продолжать свои научные разработки. Из представленного в книге (К-2, стр. 29 и 30) перечня его работ не видно научных разработок! Почти только доклады!!! Но, он совершенно уверен, что его научная деятельность в космонавтике оценивается очень и очень высоко. Он фактически уже определил свое место среди ученых нашей

страны. Так, в середине книги (К-2, стр. 288) читаем: «...Уж сколько раз история развития науки доказывала справедливость слов Гексли о том, что всякая новая истина вначале кажется ересью. И вот теперь верность этого изречения подтверждало развитие космонавтики: так было вначале и с идеями Циолковского, и с идеями Тихонравова; так было потом с идеями их последователей». Имеется, конечно, в виду О. В. Гурко – третий деятель теоретической космонавтики после Циолковского и Тихонравова!!!

Итак. Колоссальное число докладов, многие из которых заслушивались на самом высоком правительственном уровне, и несмотря на поддержку, оказываемую ему родственниками, желанного результата не дали. Ну, а какие же научные разработки, о которых так много пишется в К-2, можно было бы использовать для реализации идеи Гурко? В К-2 представлена одна единственная методика, о которой, *достоверно* известно, что она *создана лично* Олегом Викторовичем (К-2, глава 1–8)!

За свои пятьдесят с лишним лет службы науке мне не встречался ученый со столь высоким мнением о своем выдающемся таланте в решении научных проблем, в данном случае речь идет о космонавтике, и почти совершенно лишенный способностей самостоятельно изложить результат своей работы так, чтобы, прочитав написанный им текст, можно было четко понять суть выполненной работы. И главное – хорошо бы, чтобы описание соответствовало действительно достигнутым результатам.

Ярким примером этому «тезису» в книге Зузульского (К-2, стр. 128–138), может служить описание работы Гурко по подготовке целеуказаний к пуску на полигоне Байконур третьего спутника. Пример ярко характеризует, с одной стороны, автора книги (дипломированного историка!), который допускает в своей книге умышленно искаженную информацию происходивших событий, а с другой стороны, способности Гурко представить одну из своих самостоятельно разработанных методик. В данном случае речь идет о методике расчета целеуказаний для обеспечения пуска третьего ИСЗ. Первые страницы главы Гурко посвятил описанию событий,

связанных с его полетом на полигон, знакомством с техникой и условиями жизни на полигоне. При этом наиболее «безрадостное впечатление» на него произвела техника безопасности. «Об этом следует особо сказать, потому что первая попытка запуска третьего спутника была нашей первой космической неудачей» (К-2, стр. 132). Далее Гурко описывает начало полета ракеты, ее взрыв и его попытку выйти из укрытия посмотреть, куда она упала! «Тюлин категорически запретил покидать рабочее место. Нам запретили рассказывать о первой неудаче даже в институте» (К-2, стр. 133). Действительно, как описывает в своих воспоминаниях Олег Ивановский (Ракеты и космос в СССР.– М.: Молодая гвардия, 2005), такая авария имела место (стр. 49). Однако так как у нас в это время наши работы были засекречены, то было принято решение в открытой печати материалы о взрыве ракеты-носителя не публиковать (там же, стр. 25).

Пуск третьего спутника состоялся 15 мая 1958 года, прошел на удивление хорошо, спутник просуществовал в космосе с 15 мая 1958 года до 6 апреля 1960 года и выполнил всю намеченную программу исследований,

Заметим, что при «демонстрации» использования предложенной Гурко методики расчета целеуказаний условия, в которых осуществлялась эта «демонстрация», совершенно не соответствовали действительным.

Однако обратимся теперь непосредственно к методике расчета целеуказаний, разработанной Гурко. Возможно, что лучше было бы рассмотреть какую-нибудь другую научную разработку Гурко, но повторяю еще раз, мне не удалось найти ни одной разработки Гурко, кроме этой, где бы он был *единственным* автором, т. е. самостоятельно разработал методику!

Суть методики состояла в том, что для приближенного расчета целеуказаний Гурко предлагает использовать: «Плексигласовые стекла с трассами ИСЗ, графики, хорошую логарифмическую линейку» (К-2, стр. 134) и «знание астрономии, которой он увлекся со школьных лет» (К-2, стр. 135). Методика эта обладала существенными недостатками, исключавшими возможность обеспечить пуск требуемыми целеуказаниями. Во-первых,

предусматривалось все расчеты проводить вручную (исключительно большие потери времени на проведение расчетов, подготовку целеуказаний к передаче по назначению и использование на пунктах КИК). Во-вторых, предложенная методика не обеспечивала контроля выдаваемых на пункты целеуказаний (К-2, стр. 135, строки 12 и 13 – «контролировать расчеты не было никакой возможности»). В-третьих, в методике не указывалось, какие физические величины и как с помощью логарифмической линейки они рассчитывались, если автор даже не всегда имел данные о «расчетных характеристиках» полета КА. Естественно, такая методика была совершенно не пригодна для решения рассматриваемой задачи ни по надежности, ни по оперативности, ни по точности! Вот пример научного вклада Гурко в специальность 20.02.15, по которой он получил докторскую степень!

Создается впечатление, что Гурко совершенно не понимает, что он написал в эпизоде, представленном в книге (К-2, стр. 134–137). Ведь если члены Ученого совета, а также оппоненты и другие ученые, кому Гурко подарил или еще подарит свою книжку, прочитают этот эпизод, попытаются в нем разобраться, они, видимо, пожалеют, что оказались причастны к тому, что проголосовали за присуждение Гурко докторской степени!

И в каком же странном положении оказались оппоненты и многие ученые, которые, надеясь на элементарную честность диссертанта, дали положительные отзывы фактически на результаты неведомой им кандидатской диссертации А. А. Пивоварчика? Для чего же Гурко все это приводит в книге?

Можно предположить, во-первых, чтобы читатели прочитали на странице 136 две строки, выделенные жирным шрифтом: «Так Гурко утвердился в глазах своего начальника в качестве знающего и способного баллистика», во-вторых, как на завершающем этапе своей командировки к нему в комнату вошел маршал Неделин и в очень доброжелательной форме долго беседовал с ним. Однако здесь Гурко не предусмотрел, что «демонстрация» его методики раскрывает перед читателями полное

непонимание автором элементарных положений и закономерностей управления полетом ИСЗ.

Чтобы показать богатые возможности «методики» и блестящие способности ее автора работать в сложнейших условиях испытания космической техники, Гурко в своем рассказе предлагает рассматривать не реальную схему полета ИСЗ № 3, которая была успешно реализована при пуске 15 мая 1958 года, а схему, в которой при подготовке и проведении пуска имели место аварийные ситуации. В этом случае действительно возможности блеснуть высокой квалификацией управленцев существенно возрастают. Гурко придумал две аварийные ситуации.

Первая – к началу пуска в КВЦ НИИ-4 отказали ЭВМ и целеуказания из КВЦ на полигон не поступали. В том случае принимается решение осуществлять пуск по целеуказаниям, рассчитанным Гурко по своей «методике» с использованием логарифмической линейки: «Через сутки непрерывной работы, ведя расчеты в одиночку, он выдал-таки целеуказания на 15 витков для всего командно-измерительного комплекса» (К-2, стр. 135).

Вторая аварийная ситуация – «запуск прошел успешно, но обстановка на старте оставалась напряженной: спутник сделал уже десять витков, а официальных целеуказаний из Москвы не поступало. Вторая бессонная для Гурко ночь прошла в расчетах целеуказаний на очередные двадцать витков» (К-2, стр. 135).

Следует отметить, что придуманные Гурко аварийные ситуации на практике нереализуемы. Надеяться на то, что по данным целеуказания, полученным от Гурко в аварийных ситуациях, описанных на страницах 135 и 136 допустимо осуществлять пуск КА и в течение 10 витков управлять полетом без целеуказаний из Центра Управления, может только человек, совершенно не понимающий принципов управления полетами космических аппаратов.

Но особенно умиляет финальный эпизод рассказа с ошибкой в расчете целеуказаний, допущенной Гурко при расчете на последние двадцать витков полета спутника (К-2, стр. 135–136). Обнаружив ошибку, когда целеуказания уже отправили по назначению, Гурко «мучительно соображал, как быть: если Тюлин прикажет работать по моим расчетам, то скажу об ошибке, если по официальным – промолчу». А когда выяснилось, что «по официальным» – Гурко облегченно вздохнул: можно представить, какой камень у него с души свалился (К-2, стр. 136).

В этом эпизоде Гурко «выдавливает слезу у читателя» (ой какой камень с души свалился!), а следовало бы разъяснить читателю, что же физически представляли собой целеуказания, рассчитанные Гурко? И куда смотрел автор книги, что не уточнил у Гурко, в каком же параметре тот допустил ошибку? Дело в том, что в тех условиях, которые представлены Гурко в этом эпизоде, когда ИСЗ уже пролетел более десяти витков, не существует такого рассчитанного на полигоне физического параметра целеуказаний «методом» Гурко, ошибка в расчете которого могла бы привести к гибели ИСЗ № 3!

Дорогой Александр Илларионович, узнайте, пожалуйста, у Гурко, в каком же параметре из рассчитанных им целеуказаний он совершил ошибку? Откройте нам эту тайну!!!

Рассмотренная выше методика расчета целеуказаний указывает на полное отсутствие у Гурко способностей доходчиво излагать свои мысли! Даю гарантию, что ни один специалист (не говоря уже о рядовом читателе) не в состоянии расшифровать представленный здесь Олегом Викторовичем загадочный текст (К-2, стр. 128–138).

Удивительно, конечно, как человеку с совершенно посредственными способностями к научной деятельности удалось занять среди ученых страны такое место, с которого ему были доступны безграничные возможности встречаться практически с любыми представителями не только сферы, связанной с ракетно-космической техникой, но и с известными деятелями властных структур. Как же это могло случиться? Ответ на этот вопрос

оказался тривиальным: в семье «героя» была «группа поддержки», куда входили: отец «героя» генерал-майор, отец супруги «героя» генерал-лейтенант Н. А. Антипенко, бывший заместитель маршала Г. К. Жукова, и сам Г. К. Жуков. Возможности у этой «группы поддержки» были огромные, и этим, видимо, успешно воспользовались!

Еще в начале 1950-х годов Николай Александрович Антипенко обратился к маршалу бронетанковых войск П. А. Ротмистрову с просьбой: побеседовать с молодыми учеными, у которых есть идея применить новый метод защиты танков от аэродинамического нагрева. Маршал встретил Гурко доброжелательно (К-2, стр. 111). В следующий раз, это было уже в 1963 году, Николай Александрович организовал Гурко встречу с авиационным генеральным конструктором А. И. Микояном (К-2, стр. 252).

В начале 1970 года Антипенко, например, возмущенный задержками в реализации проекта Гурко, обратился к маршалу Захарову, бывшему в то время начальником Генерального штаба, за помощью! В результате Г. П. Мельникова вызвали на «ковер». Обойдя несколько кабинетов, Мельников и Гурко добрались до кабинета генерала Трусова, получили «ценные указания» и отправились в институт. Все кончилось «благополучно». Заключительная фраза Гурко: «Таким образом, попытка Г. П. Мельникова очернить автора работы и использовать обстоятельства для того, чтобы сделать определенные оргвыводы, не удалась» (К-2, стр. 296, 297, 298).

Далее последовали обращения к заместителю министра обороны по вооружению (1974 г., стр. 361–364), встреча с помощником министра обороны С. С. Туруновым (1976 г., стр. 393) и т.д.

Наибольшим успехом «группы поддержки» следует считать «изоляцию» от Ученого совета (перед защитой докторской диссертации «героем» книги) начальника НИИ-4 МО, председателя Ученого совета Геннадия Павловича Мельникова! Не случилось этого, вряд ли Гурко так удачно защитился бы: двадцать – «За», двое – «Против»! После этого у Гурко

открывалось широкое поле деятельности для соответствующей обработки ученых института и членов Ученого совета из других организаций. А способности в этой «области» у Гурко были выдающимися! Среди них, в частности, обещание каких-либо благ в обмен за поддержку претендента на докторскую степень. Мне лично известен случай, когда один из наших выдающихся ученых написал положительный отзыв за обещание Гурко достать лекарства из Кремлевской больницы для его больной матери (обещание не было выполнено – мать умерла), а другой случай касался обещания молодому доктору наук члену Ученого совета – получить для него разрешение на приобретение автомобиля «Волга» – так же оказалось невыполненным. Известен факт, когда Гурко перед защитой вручил одному нашему генералу в виде подарка книгу маршала Г. К. Жукова с его личным автографом.

Были еще три обстоятельства, которые способствовали столь единодушному голосованию. Первое: в предзащитный период была организована широкая кампания с критикой поведения «старшего товарища» – единственного члена ученого совета, который выступил на совете против присуждения Гурко докторской степени на основании той диссертации, которая была им представлена к защите! Естественно, Гурко распространял различные небылицы и о моей деятельности. Второе: давление Гурко на членов совета по отработанной схеме: я тебе «блага» – ты мне голос: «За»! Приведенные выше факты указывают, что такие попытки были. Третье: членам совета при проведении защиты не была представлена диссертация Пивоварчика.

И хотя результаты голосования на редкость благоприятные, в рассматриваемой ситуации они в расчет не должны приниматься! Представим, что на нашем совете нам предложили бы проголосовать за выдвижение Олега Викторовича Гурко в Президенты США и проголосовали бы мы единогласно. Ну и что? Ничего бы не изменилось!!! Потому что нашему совету права выбора американского президента не дано! Так на

каком же основании наш совет так блестяще проголосовал за докторскую диссертацию, *не содержащую решения* научной проблемы, сформулированной автором на странице 302 (К-2)?!

Основным криминалом в деятельности «героя», как это следует из книги А. И. Зузульского, являются события, связанные с защитой докторской диссертации (глава 2-7). Должен вызвать настороженность уже тот факт, что специалист-двигателюст взялся за разработку темы «Вопросы баллистического проектирования ЛКА с аэродинамическим качеством, использующим комбинацию реактивных и прямоточных двигателей», в которой основное содержание составили баллистические исследования.

Побойтесь Бога, дорогие наши ученые! Где же ваша бдительность!

Что касается «степени» возвышения нового фальшивого доктора Гурко среди ученых, то в этой части нужно отдать ему должное, у него успехи потрясающие! Чего только стоят его претензии на пока еще свободное третье место среди деятелей теоретической космонавтики (после Циолковского и Тихонравова) и его бессовестные утверждения, что А. В. Брыков «занял» его место в группе лауреатов Ленинской премии?

Да, это как раз тот случай, когда «ущербная» докторская диссертация открыла путь в Большую науку ее автору. Стремительное восхождение к «Олимпу» не заставило долго ждать. Вот он уже профессор, затем заслуженный деятель науки и техники РФ и, наконец, действительный член Академии наук им. К. Э. Циолковского. И лишь у самого пьедестала «Олимпа» дважды, в 1988 и 1990 годах, «герой» Зузульского был забаллотирован на выборах в члены-корреспонденты АН СССР.

«К 1983 году в НИИ-4, как головной организации, и в организациях-смежниках было выпущено более тридцати научных отчетов, защищено две докторские и пять кандидатских диссертаций, получено большое количество свидетельств на изобретения при общем научно-методическом руководстве «героя»». В завершение этой тирады автор и «герой» дают понять читателю, что в течение тридцати лет И. М. Яцунский работал под научно-

методическим руководством «героя»! (К-2 стр. 30)! Отсюда следует, что О. В. Гурко считает себя автором части работ и научно-методическим руководителем всего коллектива, разрабатывающего исследуемую проблему. Не корректно, конечно, руководителю двух докторских и пяти кандидатских диссертаций не сообщать читателям хотя бы фамилии своих подопечных, не говоря уже о тематике работ и датах защиты. Заметим, что в книге очень часто автор напоминает читателю, что та или иная работа выполнялась при научно-методическом руководстве Гурко. И лишь один «старший товарищ» не был удостоен такого внимания со стороны великого Гурко! Видимо в качестве компенсации за такое пренебрежение к своему «сотоварищу» руководство страны выделило ему Ленинскую премию! Так что зря Олег Викторович так тяжело переживает, что «старший товарищ» перехватил предназначенную для него премию. Компенсация совершенно заслуженная!

Прежде чем обратиться к «обвинениям» в мой адрес, сделаю небольшое отступление.

Внимательный читатель, ознакомившись с книгой Зузульского (не очень уверен, что были такие!), обратил бы внимание на то, что от начала книги и до конца при любой возможности авторы пытались представить «старшего товарища» в «неприглядном виде». И даже его «законное», как члена Ученого совета, выступление с оценкой диссертации соискателя, а также предложение, подсказанное им руководству совета в отношении необходимости заменить одного из назначенных советом оппонентов, так как он имеет общие труды с диссертантом, *представлено* авторами чуть ли не как самое чудовищное «злодеяние» «старшего товарища» (К-2, стр. 310, 311).

Я, конечно, не буду разбирать все упреки Гурко в мой адрес, так как он *специально* скрыл от читателей истинную причину, на основании которой у него появилась возможность так много писать о помехах, создаваемых ему «старшим товарищем» на пути к защите докторской диссертации! Причина в том, что я совершенно *не критикую* его направление исследований, а в книге все представлено так, как будто «старший товарищ» является самым главным

противником тематики его исследований! Более того! Если Гурко, например, смог бы реализовать свой проект создания хотя бы одного варианта «МГ-19» и получить за эту работу Ленинскую премию, то мне бы стало легче жить – у меня бы пропало чувство неловкости, а у Гурко появилось бы чувство стыда! (К-2, стр. 292, 293).

Я всегда утверждал, что представленная к защите докторская диссертация Гурко докторской степени не заслуживает, и вот теперь с помощью книги (К-2) удалось это доказать! Осталось разгадать загадку блестящего голосования на Ученом совете 15 марта 1973 года.

Гурко как-то коснулся своей работы над проектом первого спутника и заявил: «Думаю, не ошибусь, если скажу, что «доброжелатели» у меня появились еще во время работы над проектом первого спутника. Общеизвестно, что отношение руководства, да и многих сотрудников института, к нашей тихонравовской группе вначале было отрицательным. Случалось, что нам просто запрещали работать по спутнику, а Михаил Клавдиевич, оказавшись после очередного разгона группы всего лишь научным консультантом, без каких-либо административных прав, защитить нас не мог. Мы все эти гонения терпели, но несмотря ни на что, над проблемами спутника продолжали работать» (К-2, стр. 292).

Наша конфликтная ситуация в значительной степени объяснялась еще и тем, что Гурко особенно тяжело травмировало любое сообщение об участии «старшего товарища» в работе над спутником! А случилось так, что в начале 1955 года именно мне было поручено, на основании анализа работ всех членов группы Тихонравова над проблемами, связанными с созданием искусственного спутника Земли в период с начала исследований и до 1955 года, провести компоновку первого варианта автоматического спутника (над вторым вариантом ИСЗ работал В. Н. Галковский). Составив схему расположения всех элементов спутника и согласовав ее со всеми авторами, я скорректировал некоторые нестыковки, обнаруженные при согласовании, и завершил работу предложением схемы первого варианта автоматического

спутника с результатами расчета основных массовых и габаритных характеристик спутника. Этот этап был успешно завершён в апреле 1955 года без общего научно-методического руководства О. В. Гурко.

В конце 1955 года в Президиуме АН СССР состоялось совещание ведущих ученых страны в области ракетостроения, где по предложению С. П. Королева был утвержден специальный орган по постановке научных исследований с использованием искусственных спутников Земли. Возглавил этот вновь созданный орган академик М. В. Келдыш. Мстислав Всеволодович действовал очень энергично. На следующий день в Президиуме АН СССР собрались все члены вновь созданного органа, на котором М. К. Тихонравов сделал доклад о предполагаемой конструкции спутника и его весовых характеристиках. При этом Михаил Клавдиевич основывался на разработках простейшего спутника первого этапа, которым занимался я, так как работы по второму этапу еще не были завершены. После доклада Тихонравов дал ответы на многочисленные вопросы по тепловому режиму спутника, источникам питания, весу научных приборов и др. Игорь Марианович Яцунский участвовал в работе этого совещания и так рассказывал о ходе обсуждения доклада:

«После бурного обсуждения и высказывания учеными ряда ценных предложений об использовании спутника, Мстислав Всеволодович все-таки не был удовлетворен и не мог принять решения по этому вопросу. Напряженность разрешил Петр Леонидович Капица. Он сформулировал результаты обсуждения примерно так: «Дело это совершенно новое, мы лишь вступаем в область неизведанного, а это всегда приносит науке плоды, которые заранее нельзя предвидеть, но они обязательно будут. Искусственный спутник надо делать!» Все с ним согласилось, в том числе и Келдыш. Решение о создании первого искусственного спутника Земли было принято».

Наличие в докладе Тихонравова подготовленных мною конкретных характеристик одного из вариантов автоматического спутника, которые

согласовывались с параметрами проектируемой у «Королева» межконтинентальной ракеты Р-7, безусловно способствовало принятию решения о создании в стране искусственного спутника Земли!

В начальный период своей деятельности сам Гурко мало внимания уделял работам нашей группы, а в основном разъезжал по командировкам. Моя же работа подробно описана в книге (К-1), которая вышла в свет в 1993 году и была доступна как Гурко, так и Зузульскому! Однако за семь лет ни Гурко, ни автор К-2 не ознакомились, видимо, в должной степени с первоисточниками. Они привели в мой адрес ряд оскорбительных заявлений в части моей деятельности в институте. Так, на странице 292 и далее приводится рассказ Гурко, содержащий целую серию обвинений, как в части выполнения моих служебных обязанностей, так и в части морально-этического поведения. Я крайне удивлен, что Зузульский без проверки поместил в книгу эти материалы и вынужден по некоторым пунктам дать разъяснение! Рассказ Гурко (К-2, стр. 292): «В комнате вместе с нами сидел еще один сотрудник. Был он несколько старше нас, потому назову его просто «старшим товарищем». Активного участия в работе нашей группы он не принимал, может быть, потому, что мы все время подвергались гонениям, а он предпочитал (и умел) ладить с начальством. До сих пор не пойму, как он к нам попал – он сам говорил, что до прихода в наш институт о космосе не мечтал. Но он был, якобы, фронтовиком, а в ту пору это много значило. Тем более, что он был членом партии, а Тихонравов и вся наша группа – беспартийные.

Сидел он за своим столом тихо и единственный из нашей группы в то время писал кандидатскую диссертацию под научным руководством М. К. Тихонравова, правда, не по космической тематике. Когда был запущен первый спутник, наш «старший товарищ» неожиданно для многих стал лауреатом Ленинской премии. Думается, в то время он и сам понимал случайность награды, чувствовал себя неловко».

Дорогой Александр Илларионович, как же Вам удалось узнать о моих переживаниях?! Вы же меня ни разу не видели! Я оказался единственным участником событий, кому автор Зузульский присвоил псевдоним «старший товарищ». После того, как Гурко выплеснул читателям всю имеющуюся у него «отрицательную информацию» на «старшего товарища», затем еще долго пытался доставить читателям удовольствие самим догадаться, кому принадлежит псевдоним, в конце концов, не надеясь на свои литературные способности и прозорливость читателей, откровенно «выдал» подсказку читателям в стихотворной форме, приведя шуточное стихотворение А. Д. Семисильного (К-2, стр. 319).

Действительно, у меня было три крупных недостатка: во-первых, я не состоял в студенческих кружках «героя», во-вторых, я, якобы, «незаконно» получил Ленинскую премию, которая «по праву» принадлежала «герою» и, в-третьих, на защите докторской диссертации «героя» я выступил против присуждения ему докторской степени.

Естественно, Гурко распространял различные небылицы о моей деятельности. Позднее они частично попали в книгу А. И. Зузульского.

Эти упреки в основном являются результатом очень слабой осведомленности Гурко о положении дел в нашей группе и привычкой безответственно высказывать суждения о вещах, ему совершенно незнакомых. Несколько примеров.

Пример первый: как я попал в «наш институт»? К моменту возникновения этого вопроса у Гурко в его домашней библиотеке имелась моя книга (К-1, глава 1), в которой есть ответ на этот вопрос. Повторю. При организации НИИ-4 МО из ряда гражданских ВУЗов призывались выпускники, прилично окончившие учение. Меня, окончившего институт по специальности «проектирование и производство реактивного вооружения» и получившего диплом с отличием, в 1949 году взяли в институт, который через два с лишним года *осчастливил* своим приходом на работу и

двигателю О. В. Гурко! И с тех пор, в течение почти 50 лет, мучился над этой проблемой, которая, оказывается, так просто разрешалась!

Пример второй: «... активного участия в работе нашей группы не принимал...». Для Гурко может оказаться полной неожиданностью, что моя статья с оценкой вероятности встречи ИСЗ с иноземными объектами, движущимися вблизи Земли, видимо была первой научной работой нашей группы, которая была напечатана в союзной печати.

В 1955 году в НИИ-4 разрабатывался вариант проекта ИСЗ, который был передан в ОКБ С. П. Королева, и на его основе в последствии был создан третий ИСЗ. В этом проекте кроме других были представлены так же разработанные мною материалы по проблеме метеорной опасности для функционирования спутника на орбите. Интересна судьба этой работы. Для меня было очень *значимо*, что мой руководитель Михаил Клавдиевич опубликовал эти мои разработки, без всяких изменений, под своим именем в журнале «Ракетная техника». И хотя мое авторство в журнале не отмечено, я бесконечно рад этому событию! Думаю, что факт опубликования статьи только под своим именем характеризует высочайший класс этой работы! А вот интересно, найдется ли в этом 540-страничном историческом повествовании материал, написанный лично Гурко, который бы согласился от своего имени опубликовать тот же Михаил Клавдиевич?

Пример третий. Меня поражает неосведомленность Гурко относительно содержания и результатов внедрения моей кандидатской диссертации (К-2, стр.292). Возможно, действительно, у Гурко космическая тематика ограничена только проблемами проектирования «МГ-19»?!. Прошло почти сорок лет, а Гурко даже не знает, что идеи, предложенные и обоснованные в кандидатской диссертации А. В. Брыкова, с успехом реализованы на серийной межконтинентальной баллистической ракете, которая принята на вооружение и несет боевое дежурство. Гурко возможно только после прочтения этой статьи узнает об этом. Как же можно было писать так в союзной печати?

Моя кандидатская диссертация была рассчитана как на использование ее материалов для жидкостных баллистических ракет, так и для ракетоносителей. Результаты диссертации получили исключительно высокую степень реализации. С 1961 года используются на боевых ракетах типа Р-16 как для разделения ступеней ракеты, так и при отделении боевой части от последней ступени. В 1961 году ракетный полк с МБР был поставлен на боевое дежурство, а ракетный комплекс принят на вооружение! А случилось это, в основном, потому, что использование моих разработок *значительно упрощает* возможности повышения точности поражения цели. Для ракет-носителей достижение высокой точности вывода КА на орбиту пока еще не так актуально, как точность поражения цели для боевых ракет!

А как же у Гурко? Есть ли работы с реализациями такого уровня, выполненные лично им, без участия его постоянных соисполнителей: И. М. Яцунского, Л. И. Слабких, П. П. Кузнецова, В. Ф. Гаврилова и многих, многих других ученых?

Пример четвертый. Более всего О. В. Гурко беспокоит моя «недостаточная научная подготовка», можно ли мне было поручать работы по космической специальности (К-2, стр. 293). То упрекает в неблагодарности к Яцунскому, который на меня, «неуча», окончившего ВУЗ по специальности «отнюдь не космической», столько времени тратил при освоении мной нового направления, то высказывает недовольство, что «Яцунский с Тихонравовым не могут из меня сделать человека» (К-2, стр. 293), то есть всячески пытается унижить.

А дело в том, что Гурко не представляет, что такое специальность «проектирование и производство реактивного вооружения». Эта специальность предусматривает разрешение всех баллистических проблем при создании ракетного оружия (например, Р-2, Р-3, Р-7 и др.), начиная с проектирования и кончая сдачей их на вооружение после отработки на стрельбах. То есть инженер этой специальности в части баллистики подготовлен работать на любом участке процесса создания ракетного

оружия. Интересно, а чему Гурко научился в студенческих космических кружках?

Пример пятый. Когда творческая фантазия Гурко была исчерпана, и он ничего нового придумать из своего набора уже не мог, ему помогла его супруга и ее подруги по работе. Они заметили, что в библиотеку зачастил «старший товарищ» (это была ошибка милых женщин!), а в журналах с обзором новейших разработок по ракетно-космической технике появились пометки (точки и «галочки»). Ознакомившись с этими пометками, «совет» семьи *определил*, что это работа «старшего товарища» (К-2 стр. 312, 913). И эту придуманную чушь они печатают в серьезном историческом повествовании! Каково? Ну и «семейка»!!!

Пример шестой. Морально-этический образ ученого Гурко очень убедительно характеризует эпизод из книги (К-2, стр. 294): «Яцунский же меня все время убеждал, что замечания «старшего товарища» нелепы и говорят о том, что он ничего не понимает, и необходимо ему терпеливо все разъяснять. Это мешало мне понять истинную подоплеку поведения «старшего товарища». Я не мог уразуметь, что мой давний коллега, человек, с которым мы вместе работали еще в группе Тихонравова, может преследовать какие-то тайные неблагоприятные цели. Но факт остается фактом: я снова столкнулся с вопиющей беспринципностью и начал терять «ориентацию в пространстве» и даже стал сомневаться в ценности своих исследований».

Как же выглядит в глазах читателя человек, написавший эти строки в 2000 году, прекрасно *знавший*, что в его же докторской диссертации *не решена* сформулированная им «научная проблема», его же докторская степень сомнительна, о чем уже около тридцати лет ему *толковал* «старший товарищ» и вот только сейчас *доказал*, наконец, это *документально!*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Считаю установленным, что диссертационная работа О. В. Гурко, представленная в Ученый совет НИИ-4 МО 15 марта 1973 года на соискание ученой степени доктора технических наук по специальности 20.02.15, не содержала решения научной проблемы. Автору не удалось с использованием представленного в диссертации математического аппарата оптимизации найти решение, и он, утаив это, в качестве решения представил результаты, полученные его учеником Пивоварчиком в кандидатской диссертации при решении нескольких частных задач рассматриваемой проблемы. Когда это обнаружилось, Гурко пытался скрыть факт, заменив масштаб графических материалов в экземпляре диссертации, представленной на защиту Ученому совету уже после того, как оппоненты прислали свои отзывы в институт.

Следовательно, во-первых, представленная Ученому совету докторская диссертация Гурко докторской степени не заслуживает, во-вторых, присуждение соискателю докторской степени незаконно и, в-третьих, использование приведенных в диссертации параметров для создания проектируемого ЛКА принципиально недопустимо!

2. Если исключить из рассмотрения представленные в книге К-2 встречи «героя» со всеми его слушателями (см. введение), а также руководителями государства и коммунистической партии, то окажется, что в книге лишь два персонажа: «герой-ангел», представляющий передовые взгляды ракетно-космической науки, и «старший товарищ» (псевдоним, данный авторами К-2 автору этой статьи), который всяческими способами пытается унижить «героя». И вот здесь в мой адрес последовало столько претензий, что их и не перечить. Но все они, за исключением претензии Гурко на Ленинскую премию, несправедливы! Либо это надуманные, либо искаженные до неузнаваемости факты, приведенные по незнанию истины. На мою единственную «претензию» о том, что в представленной на защиту докторской диссертации Гурко не содержится решения научной

проблемы, и, следовательно, она не может служить основанием для присуждения докторской степени, автор диссертации вместо ответа придумывает целую серию контр-претензий, не имеющих никакого отношения к рассматриваемой проблеме. Поэтому мой ответ авторам книги К-2: смотрите первоисточники (К-1 и К-3), там есть ответы на все ваши претензии!

3. Обратимся к проблеме о «Ленинской премии».

В принципе можно, конечно понять Гурко, когда он считает возможным для себя: допускать представление на защиту в Ученый совет заведомо некачественные докторскую и кандидатскую диссертации; присваивать себе эпитеты «крупного ученого», «инициатора запуска ИСЗ на ракете Р-7», «активного участника запусков ИСЗ и лунных КА»; считать себя достойным претендентом на третье место в ряду специалистов практической космонавтики после Циолковского и Тихонравова; полностью пренебрегать соблюдением морально-этических норм (см. пример б); не соблюдать свои обязательства перед учеными, проголосовавшими по предварительному договору «За», но не получивших обещанных «благ»; широко использовать как «домашних генералов», так и генералов из Генштаба для решения своих проблемных вопросов; откровенно, сознательно и з в р а щ а т ь о п и с ы в а е м ы е с о б ы т и я .

Что же касается Ленинской премии, то О. В. Гурко так же считает себя вполне достойным этой премии, но в отличие от перечисленных выше «достоинств» считает, что эту премию он должен был получить не в общем ряду с другими сотрудниками института, а конкретно вместо А. В. Брыкова («старшего товарища»).

Здесь все ясно – таков О. В. Гурко!?

Но как может нормальный человек выступить в российской печати с претензиями к «старшему товарищу» будто бы незаконно получившему Ленинскую премию,

которая предназначалась для О.В.Гурко! Это пониманию не доступно!!!

По этому поводу должен заметить, что как это видно из книги (К-2, стр. 136), ему очень понравился афоризм полковника Васильева, который при знакомстве с Гурко на полигоне заявил: «А вообще-то я не встречал высоких людей, которые были бы не умные». Да! Ростом Бог его не обидел, но что касается ума, то в создавшейся ситуации он очень похож на классический наипростейший «пример исключения» из этого «правила Васильева».

4. В создавшейся ситуации необходимо было бы предложить Гурко в соответствии с существующими правилами (пока мы не знаем, каковы они!) сдать куда следует докторские и кандидатские дипломы и все другие документы, которые выдаются ученым. И забыть, что он когда-то назывался доктором, профессором, академиком и т. д.

Однако конец этой истории должен иметь настоящий детективный финал.

Все попытки, предпринятые мной и Геннадием Павловичем не допустить принятия к защите докторской диссертации Гурко на нашем Ученом совете, оказались неудачными. Совет принял диссертацию к рассмотрению. Во время защиты было однозначно установлено, что научная проблема соискателем не решена. Более того, не всегда удается определить серьезный дефект диссертации в течение одного заседания Ученого совета. В рассматриваемом же случае, когда причина отказа соисполнителю в присуждении ему ученой степени обусловлена отсутствием в диссертации решения ясно сформулированной научной проблемы, каждому члену докторского совета (здесь все доктора!) должна быть совершенно ясна причина отказа! А сколько было затрачено труда, чтобы до каждого члена совета была доведена эта причина. Однако при голосовании «За» проголосовали двадцать членов Ученого совета при двух «Против».

Как же так могло случиться, что при совершенно «прозрачной» ситуации двадцать членов Ученого совета проголосовали «За»? И только два «Против». Теперь задача борцов за справедливость ожидает увлекательная работа по отысканию истины. Призываю любителей детективных ситуаций взяться за дело! Думаю, что после прочтения этой статьи бывшие члены Ученого совета «откликнутся», чтобы помочь разрешить эту загадку! Уж очень удивительно! Как такое могло случиться: почти единогласное голосование при рассмотрении диссертации с явным содержанием «криминальной составляющей»?!

Вероятность того, что двадцать членов Ученого совета без каких-то «сил дополнительного воздействия» единодушно проголосовали «За», – ничтожно мала! Ищите причину!

Комментарии Яна Ивановича Колтунова

Справка 1. Я.И. Колтунов был в числе первого - стартового состава легендарной, - как её часто называют в печати, - Группы М.К. Тихонравова (Игорь Марианович Яцунский, Лидия Николаевна Солдатова, Глеб Юрьевич Максимов, Ян Иванович Колтунов, Анатолий Викторович Брыков), сформированной в 1947-1949 гг. в НИИ-4 Академии Артиллерийских наук.

Эта Группа по личному приглашению М.К. Тихонравова - тогда заместителя начальника НИИ-4 ААН по специальности формировалась (с прикомандированием участников из различных отделов) и работала под общим руководством М.К. Тихонравова сначала при отделе стартовых комплексов, а затем – с конца 1949 года – при баллистическом отделе НИИ-4 ААН и частично в исходных отделах.

К стартовому начальному составу Группы в 1950г присоединились: Борис Сергеевич Разумихин и Григорий Макарович Москаленко. Они работали в Группе до 1952-1953 г., а затем перешли в Институт

стратегических исследований А.Н. СССР и Институт космических исследований, соответственно

Официально Я.И. Колтунов работал в Группе с 1949 г. по 1953г., неофициально – выполняя тематику Группы и индивидуальные разработки и одновременно выполняя официальную тематику отдела стартовых комплексов с 1948 по 1949гг и с 1953 по 1956гг. При общении с М.К. Тихонравовым с 1956г. по 1974 г. М.К. Тихонравов часто повторял, что считает Я.И. Колтунова своим единомышленником, «нашим человеком», что «Вы на правильном Пути» М.К. Тихонравов в отсутствие Я.И. Колтунова в 1957 г. докладывал на заседании Президиума Учёного Совета ЦНИИМАШ комплексные инициативные Предложения Я.И. Колтунова по созданию , Программам и тематике НИИ ракетного транспорта и освоения космоса и развитию мирных применений ракетной техники. На основе одобрения его Предложений при ОКБ-1 были дополнительно созданы отделы для обеспечения более широкого применения ракет в интересах Академии наук СССР.

Справка 2. Эта Группа в составе 7 человек до 1952 года выполнила первые в мире комплексные исследования, выпустила основополагающие научные отчёты и показала в них (по своим инициативным разработкам и в соответствии с техническим заданием С.П. Королёва) технические возможности и целесообразность создания ракетных пакетов, стартовых, технических комплексов, наземного оборудования, стендовых комплексов для технологических и огневых испытаний ракетных блоков и пакета в целом и испытательного ракетного полигона для обеспечения доставки составных частей (блоков) пакета на полигон, сборки, испытаний пакета и полезной нагрузки (специальная головная часть, космический аппарат) доставки собранного пакета и установки в стартовую систему на стартовом сооружении, проведения предстартовой подготовки, заправки, прицеливания, обеспечения безопасного для стартовиков, наземного оборудования,

стартовых сооружений стартового комплекса автоматизированного управляемого контролируемого старта (пуска), безопасного для населения страны полёта (движения пакета) по заданной программе при лётных испытаниях и отработке, а также при штатных планируемых пусках для достижения требуемых дальностей полёта и создания на этой основе искусственных спутников Земли, космических аппаратов и кораблей разработала необходимые исходные данные, методические материалы и тактико-технические требования для проведения и научно-технического сопровождения разработок ракетных комплексов с пакетами в промышленности, их создания и проведения лётных испытаний.

Кроме этого огромного комплекса решаемых проблем пришлось решать также научно-технические проблемы расчёта и определения параметров распространения и отвода высоконагретых составных сверхзвуковых газовых струй при стендовых огневых испытаниях и при возмущённом старте пакета, решать проблемы выбора материала, формы, размеров и конструкции газоотводов, проблемы обоснования и выбора циклограмм запуска и выхода на режим расчётной номинальной тяги многодвигательной многосопловой двигательной установки, проблем выбора механических и других связей пакета со стартовой системой, проблем выбора для снижения возмущений от возможного рассогласования тяг и опрокидывания пакета при старте, решать проблемы работы системы управления и регулирования при неустановившихся режимах изменения тяги ракетных двигателей, проблемы баллистического проектирования, выбора конструкторского решения, весового анализа и оптимизации траектории, программ выведения и распределения масс между ступенями пакета, аэродинамики, устойчивости и обеспечения разделения ступеней, проблемы сохранения полезной нагрузки при входе в плотные слои атмосферы, проблемы прицеливания и точности попадания головной части в заданный квадрат при падении, приземлении, проблемы энергообеспечения и теплового режима спутника, проблемы выбора компонентов топлива и

парогазогенерации, теплоизоляции баков, системы подачи компонентов в камеры сгорания, проблемы заправки и слива компонентов топлива и .пр ,

Позже (в 1951-1952гг.) в Группу были включены дипломники МАИ Игорь Константинович Бажинов и Олег Викторович Гурко (и Владимир Николаевич Галковский (1954-1955гг.)

Справка 3. : Я.И. Колтунов - участник, руководитель и ответственный исполнитель крупных разделов научно-исследовательских работ в Группе Михаила Клавдиевича Тихонравова по динамике, газодинамике, безопасности старта, движению ракетных пакетов и составных ракет-носителей других типов на стартовом участке траектории при возможных возмущениях, исследованию, определению параметров, критериев подобия и расчёту составных сверхзвуковых высоконагретых газовых струй ракетных двигателей, их воздействия на преграды, выбору устройства газоотражателей и газоотводов, обоснованию стартовых, технических, стендовых и ракетных комплексов, пусковых установок, наземного оборудования, ракетных испытательных полигонов для пакетов, комплекса программ, методик, оборудования, датчиков, измерительной и регистрирующей аппаратуры проведения, регистрации и анализа результатов стартовых измерений (теплового, силового, эрозионного, вибрационного, механического, энергетического максимального и во времени воздействия газовых струй и других нагрузок на основные элементы конструкций стартового оборудования и стартовых сооружений, фактического движения пакета при старте и на начальном участке траектории и подвижных элементов стартовой системы в этот период) при лётных испытаниях и отработке ракет-носителей и ракетного комплекса, обоснования тактико-технических требований к ним.

Кроме решения отмеченных сложных проблем, Я.И. Колтунов, имея опыт работы в спектральной лаборатории МАИ, исследовал возможное воздействие, средства защиты, допустимые дозы облучения от космических лучей и радиационных потоков на космонавта, в космическом корабле и в открытом космосе при полётах различной продолжительности, на различных высотах при различных наклонениях орбит.

В 1952-1953 гг. он, продолжая разработки, выполненные им в период обучения в МАИ и в период работ в НИИ-4 ААН в 1948-1949гг., разработал и написал детальные Предложения «О возможности и необходимости создания Искусственного Спутника Земли» с указанием главных направлений разработок и кооперации организаций при создании простейшего автоматического ИСЗ, при создании космических аппаратов для полётов животных, космического корабля для полёта одного космонавта, корабля для полёта 2-3 человек, при создании орбитальной станции. Эти Предложения за подписью М.К. Тихонравова были направлены в ОКБ-1 В 1955-1956 гг. он разработал комплексные Предложения по созданию, программам и тематике работы, составу, штатам, материально-техническому обеспечению, субсидированию, этапности развития НИИ и Экспериментального Завода ракетного транспорта и освоения космоса, а также Комплексные Предложения о развитии мирных направлений ракетной техники, разработал предложения о способах посадки на Луну и транспортным аппаратам для перемещения по поверхности Луны, которые защищены авторским свидетельством на изобретение и др.

По тематике исходного отдела стартовых комплексов Я.И. Колтуновым проведены расчёты более 100 возможных трасс ракетных испытательных полигонов при различных точках старта и приземления ракетных летательных аппаратов.

В 1948-1949гг он являлся также руководителем и ответственным исполнителем НИР по обоснованию системы вооружения полевой

реактивной артиллерии и зенитных систем с использованием ракетных снарядов на жидком и комбинированном топливе (НЖРС, НКРС).

В 1952-1953 гг. Я.И. Колтунов по тематике отдела стартовых комплексов экспериментально исследовал возможности комплексного использования штатных звукометрических станций СЧЗМ-36 и СЧЗ-6 с радиостанциями РАФ для засечки мест падения и суммарного времени полёта ракет и их головных частей при расстояниях засечки в условиях полигона ГЦП до 187 км (применительно и к условиям района падения «Кама»).

После прекращения работы Группы М.К. Тихонравова в НИИ-4 Я.И. Колтунов работал в отделах стартовых комплексов НИИ-4 и ЦНИИКС-50.

Основные направления его исследований в период с 1956 г. по 1983 г.:

- Проведение систематических теоретических и экспериментальных исследований волновой структуры и выявление новых критериев подобия сверхзвуковых холодных одиночных и составных газовых струй на разработанных им автоматизированных экспериментальных установках в аэродинамических трубах с открытой рабочей частью, что позволило выявить с использованием теории подобия и метода размерностей новые критерии подобия и открыть явление многоинвариантной однопараметрической автомодельности расчётных и нерасчётных газовых струй, построить однопараметрические характеристики волновой структуры в безразмерных критериях подобия и установить связи между этими критериями, кардинально упростить и удешевить моделирование, ускорить проведение расчётов и определения параметров струй и их воздействия на преграды.

- Проведение исследований параметров и волновой структуры высоконагретых (до 3600 град К) расчётных и нерасчётных газовых струй, истекающих из сопл натуральных ЖРД (при огневых стендовых испытаниях рулевых кислородно-керосиновых двигателей с тягой 2,5 т. и 3,2 т. ракеты Р-7 т. и газодинамическом двигателе с тягой 4,1 т на специально

разработанных экспериментальных установках с применением охлаждаемой гребёнки для определения полного напора, статического давления, температуры торможения по длине и в поперечных сечениях ядра и пограничного слоя струи, перемещаемой вдоль оси струи при продолжительности работы двигателей до 400 сек.

- Разработка программ, методик, измерительной и регистрирующей аппаратуры, проведение, обработка, анализ комплексных наземных стартовых измерений при пусках ракет Р-7, Р-7а, Р-9, Р12, Р-14, Р-16, УР-500, УР-500К, В-1000,

После перехода М.К. Тихонравова в 1956 г. в ОКБ-1 С.П. Королёва с ним отпустили из НИИ-4 только Л.Н. Солдатову, Г.Ю. Максимов позже сам уволился из НИИ-4 и поступил в ОКБ-1.. И.К. Бажинов позже перешёл в ЦНИИМАШ. Я.И. Колтунов, А.В. Брыков, И.М. Яцунский, В.Н. Галковский, О.В. Гурко были возвращены в свои исходные отделы.

Ян Иванович Колтунов

Комментарии к статьям «Тайна защиты диссертации» и «Справедливость должна восторжествовать» и книге А.В. Брыкова «Пятьдесят лет в космической баллистике», М., 2002-50 с. и книге А.И. Зузульского «Впереди своего времени». 2000. -542 с // Принадлежность: СИП РИА, Зузульского А.И., Гурко О.В.//

А.В. Брыков в своих статьях «Тайна защиты диссертации» и «Справедливость должна восторжествовать», в книге «Пятьдесят лет в космической баллистике» 2002г. и в своей записке –, переданной мною по его просьбе Ю.В. Бирюкову -заместителю директора Дома - Музея. С.П. Королёва с представлением конкретных фактов пишет о нечестности и плагиате О.В.Гурко при представлении к защите своей докторской диссертации, неправомочности и странностях её защиты на докторском Учёном Совете А.В. Брыков пишет также обоснованно о предвзятости, нечестности и необъективности авторских материалов, полученных от О.В. Гурко и приведенных в книге А.И. Зузульского «Впереди своего времени» (М:СИП РИА. 2000. -542 с // Принадлежность: СИП РИА, Зузульского А.И., Гурко О.В. 2000 г.//, написанной при консультации, очевидном руководстве и прямом участии О.В. Гурко.

В своей последней статье «Справедливость должна восторжествовать» А.В. Брыков считает, что О.В. Гурко должен отказаться от диплома, учёной степени «доктор технических наук» и звания «профессор», полученных в результате неправомочно допущенной Учёным Советом защиты скрытого плагиата диссертанта, причём без решения им заявленной научной проблемы. Брыков считает, что О.В. Гурко должен отказаться также от званий «Заслуженный деятель науки и техники» и «Действительный член Российской Академии космонавтики им. К.Э. Циолковского», полученных О.В. Гурко благодаря несправедливо защищённой им «докторской диссертации». С мнением А.В. Брыкова о возможности плагиата чужих работ и нечестности, допускаемых О.В. Гурко в

своей деятельности и о необъективности книги А.И. Зузульского следует согласиться, оно обосновано. Об этом же сказано в памятных записках А.В. Брыкова и Я.И. Колтунова, направленных Учёному секретарю Дома-Музея С.П. Королёва в 2002г, в публикациях на моём сайте и моём блоге сайта «Соратники» «Справедливой России» первой статьи А.В. Брыкова «Тайна защиты диссертации»

Книга А.И. Зузульского написана по заказу и с участием О.В. Гурко и направлена на безудержное неадекватное восхваление плагиата О.В. Гурко и его деятельности по самопрославлению заказчика, содержит множество ошибок, исторической неправды, инсинуаций, ложных выпадов против А.В. Брыкова и Я.И. Колтунова - членов начального состава Группы М.К. Тихонравова, показавших неприглядную деятельность, обман и плагиат О.В. Гурко. В интересах неадекватного подъёма и искусственного раздувания своего весьма сомнительного имиджа О.В. Гурко в книге предьявляет и сообщает А.И. Зузульскому дезинформацию, приписывает себе авторство ряда разработок других авторов, коллективов и организаций, всячески бездоказательно старается очернить оппонентов, приписать себе якобы значимость даже своих ошибочных расчётов. А.В. Брыков в связи с оскорбительными высказываниями против него в книге А.И. Зузульского написал и просил опубликовать на моём сайте более полную статью «Справедливость должнааа восторжествовать» о тяжело пережитых им и его семьёй, а также Начальником ЦНИИКС – 50 Г.П. Мельниковым криминальных событиях, связанных с защитой ущербной диссертации О.В.Гурко

Я являюсь действительным участником стартового – начального состава легендарной группы (так ее называют многие авторы) Михаила Клавдиевича Тихонравова (Игорь Марианович Яцунский, Лидия Николаевна Солдатова, Глеб Юрьевич Максимов, Ян Иванович Колтунов, Анатолий Викторович Брыков», активно работавшей с 1947-1949 гг. над проблемами научно-практического обоснования ракетных пакетов и первых ракетных и стартовых комплексов межконтинентальной дальности полёта, а так же пакетов космического назначения, обоснования и разработки тактико-технических требованиям к ним, над проблемами создания ракетных пакетов, искусственных спутников Земли, стартовых систем и газоотводных устройств, полигонов для летной отработки ракет и уникального неземного оборудования.

М.К.Тихонравова я знал и общался с ним около 30 лет на работе и дома / еще на Конюшковской ул. и на проспекте С.П.Королева, на Всесоюзных Чтениях К.Э.Циолковского и других Чтениях и научных конференциях по ракетной технике и космонавтике и др.

М.К.Тихонравов был одним из научных консультантов организованных и руководимых мною с 1943-1945 гг. сначала Стратосферной Секции, а затем - Отделения–подготовки технического осуществления ракетных и космических полетов (ПТОРКП) Авиационного научно-технического общества студентов /АНТОС/ Московского Авиационного Института /МАИ/. Я был до окончания МАИ в 1948г. председателем Стратосферного Отделения, начальником Специальной Конструкторской Бригады /СКБ/ и Летно-исследовательской группы /ЛИГ/ Стратосферного Отделения (ПТОРКП) АНТОС.

В 1945 г. М.К.Тихонравов рекомендовал прослушать для СКБ и ЛИГ лекции своего ученика – П.И.Иванова по баллистическому расчету ракет. в 1946 г. он и П.И. Иванов – рекомендовали меня, когда я был еще студентом, для участия в летных испытаниях, многоступенчатой твердотопливной ракеты конструкции П.И.Иванова, в связи с чем я принимал участие в расчетах и лётных испытаниях этой ракеты на Краснознаменном Артиллерийском полигоне /КАП/ под Ленинградом в июле 1946г. В 1947-1948гг. М.К.Тихонравов был консультантом и научным рецензентом моего дипломного проекта: «Двухступенчатая составная ракета на жидком топливе для изучения атмосферы на высоту не менее 500 км. с полезным грузом 500кг». Научным руководителем моего дипломного проекта был заместитель С.П. Королёва Михаил Васильевич Мельников,

вторым рецензентом – Заведующий кафедрой физики МАИ профессор-доктор физ.мат.наук Михаил Фёдорович Широков В середине 40-х годов М.К.Тихонравов предложил мне после окончания МАИ работать с ним над высотными и космическими ракетами и подобрать группу энтузиастов для такой работы из СКБ И ЛИГ ПТОРКП АНТОС МАИ. В 1947 г. еще до окончания МАИ он предложил мне оформиться на работу в НИИ-4 Академии Артиллерийских наук, где он был заместителем начальника института по специальности, и я заканчивал в НИИ-4 свой дипломный проект, работая активно по тематике НИИ-4 ААН с января 1948 г. при научном руководстве М.К.Тихонравова. Вместе со мною по запросу М.К.Тихонравова в НИИ-4 ААН пришли еще 12 человек СКБ и Стратосферного Отделения АНТОС МАИ. В 1945-1950 гг. М.К.Тихонравов был, по моей просьбе, консультантом организованного мною Московского Студенческого Совета / Оргкомитета объединенных коллективов / подготовки технического осуществления ракетных и космических полетов, который, как и Стратосферное Отделение АНТОС МАИ, принял разработанные мною и уточнявшиеся мною ежегодно с 1943 г. Программу-минимум и Программу-максимум изучения и освоения космоса до года окончания мною МАИ/1948г./.

В 1953г. М.К. Тихонравов подписал с небольшими сокращениями /вычеркнул 2 фразы, в которых предлагались мои услуги в качестве пилота – исследователя первого пилотируемого ИСЗ и где говорилось о целесообразности, наряду с использованием обычных химических топлив, в дальнейшем провести исследования и практические разработки ядерных ракетных двигателей / разработанные мною предложения «О возможности и необходимости создания Искусственного Спутника Земли», которые были направлены С.П. Королёву и в другие организации/ известны как докладная записка М.К. Тихонравов /1953г/

Предложенная мною программа и этапность создания ИСЗ вытекали из отмеченных выше Программ –

АНТОС МАИ, которые раньше так же поддерживал М.К. Тихонравов. Эти предложения были в основном написаны мною в 1952г; в начале 1953г. Я ездил в Архангельское, где М.К. Тихонравов лечился и детально рассказывал об их содержании о предлагаемых конкретных разработках и кооперации организаций – участников работ по ИСЗ, с чем М.К. Тихонравов согласился.

1956-1957гг. М.К. Тихонравов был докладчиком на заседании Президиума Учёного Совета НИИ-88 по предложениям инженера Я.И. Колтунова «О создании, программе, тематике, обеспечении Научно-исследовательского института ракетного транспорта и освоения космоса – О развитии мирных направлений ракетно-космической техники». Эти Предложения были в основном поддержаны Президиумом Ученого Совета НИИ-88, а также ВПК (Спецкомитет №2) и ГУРВО.

Я вынужден упомянуть изложенные факты в связи целым рядом неточностей, искажений действительности, умолчанием или передергиванием тех событий и свершений, которые допущены в связи с описанием работы и состава группы М.К. Тихонравова, возникновением и работой Стратосферного Отделения (Секции) подготовки технического осуществления ракетных и космических полётов АНТОС МАИ, с деятельностью и ролью О.В. Гурко, приводимых в упомянутой книге Александра Илларионовича Зузульского. Писатель пишет, что он многократно встречался с членами Группы М.К. Тихонравова, ознакомился с проблемами, которые довелось решать каждому из них... изучить атмосферу отношений между людьми, сформировавшуюся в группе... с их интересами и увлечениями, характерами и особенностями личности» (стр. 7). К сожалению, это неправда, поскольку ни со мной, ни с И.М. Яцунским, ни с Г.Ю. Максимовым, ни с Л.Н. Солдатовой, ни с А.В. Брыковым, т. е. ни с кем из стартового-основного состава А.И. Зузульский не встречался ни разу.

В 1950г. В состав Группы вошли Г.М. Москаленко и Б.С. Разумихин, с которыми А.И. Зузульский тоже не встречался и не говорил. Кстати, Г.М. Москаленко в памятной

надписи, сделанной Я.И. Колтунову назвал его лучшим из Тихонравовцев, а супруга М.К. Тихонравова Ольга Константиновна Паровина - любимым учеником М.К. Тихонравова. И.М. Яцунский писал, что Я.И. Колтунов и после 1952г. долго не терял связь с группой, что очевидно, следует и из сказанного выше. Таким образом А.И. Зузульский мог контактировать только с О.В. Гурко и И.К. Бажиновым, которые пришли и стали работать в Группе в конце 1951- начале 1952г., когда группа уже выпустила основополагающие научные отчеты по пакетам ракет и частично – по ИСЗ.

В книге А.И. Зузульского О.В. Гурко совершенно необоснованно приписывается главная роль в создании Стратосферной секции АНТОС МАИ. Это неправда так как О.В. Гурко начал учиться в МАИ лишь с осени 1947г., а Стратосферная Секция АМТО и АНТОС МАИ (а с 1946 г. - Стратосферное Отделение – Отделение подготовки технического осуществления ракетных и космических полётов -ПТОРКП) были созданы мною в 1943-1945гг., успешно и плодотворно работали при моём руководстве до середины 1948 года (я защитил свою дипломную работу 30 апреля 1948 г.), провели множество конкретных работ, встреч и выступили с важными Предложениями (инициатором встреч и автором всех этих Предложений был я) перед Президиумом АН СССР (в 1945г), ЦК КПСС, ЦК ВЛКСМ, Президиумом ДОСААФ, ВКВШ, МАП, МВ, ГАУ, ГУГМС, ЦАО (в 1945- 1946гг.) и др. Мне довелось организовать и быть начальником Специальной Конструкторской Бригады – СКБ (по разработке и расчёту ракет и реактивных самолётов) и Лётно-Исследовательской Группы – ЛИГ (по проведению тренировок в барокамере, обучению в парашютной школе, школе аэронавтов, полётам на аэростате ЦАО) Стратосферной Секции и Отделения ПТОРКП АНТОС МАИ. Мною в 1943 – 1945 гг. были разработаны конкретные программы изучения и освоения космоса, перечни тематики необходимых и рекомендуемых для членов Секции и Отделения ПТОРКП АНТОС научно-исследовательских и проектно-конструкторских разработок по ракетным двигателям, ракетным самолётам, баллистике, аэродинамике, тепловым расчётам, газодинамике, теплопередаче, жизни человека в замкнутом пространстве, по методам изучения и освоения аэросферы Земли, выбору орбит космических аппаратов.

Нами регулярно выпускались научно-технические газеты «Освоить стратосферу Земли» и «Путь в космос», выпускались научно-технические бюллетени и Сборники «Путь в космос» научно-исследовательских, поисковых, методических и научно-реферативных обобщающих работ членов Секции и Отделения ПТОРКП АНТОС МАИ. Мною была организована специальная практика для членов СКБ и Совета Стратосферной Секции Отделения ПТОРКП АНТОС МАИ и проведены научно-технические конференции Отделения ПТОРКП по трофейной и отечественной ракетной технике и радиолокации. разработавшими ряд проектов ракет и ракетных самолётов, участвовавших в лётных испытаниях реальных образцов ракет уже в 1946г. Он начал учиться в МАИ после перевода из МВТУ в 1947-1948гг. и мог иметь к некоторым из отмеченных предложений лишь косвенное отношение

Можно лишь удивляться тому, что А.И. Зузульский не проверил «факты», предоставляемыми ему О.В. Гурко в целях безудержного, неоправданного восхваления своей личности, не потрудился переговорить хотя бы раз с теми, кто был в стартовом – основном составе группы М.К. Тихонравова с которым и относилось определение, название их С.П. Королевым в 1949г. Инженерами с большой буквы. На стр. 210 приведена надпись, что якобы «проблема защиты стартового устройства от сгорания при старте была решена в НИИ-1 МАП под руководством В.С. Авдеевского и О.В. Гурко» на «Гагаринском старте». Это тоже неправда, как и то, что якобы О.В. Гурко разработал методику расчета необходимого расстояния от среза сопла до отражательного экрана. «Методика» эта оказалась полностью необоснованной и несостоятельной, приводила к ошибкам в сотни раз, к потерям огромных средств, что и было показано Я.И. Колтуновым и В.И. Путвинским, с чем согласились по докладу Я.И. Колтунова на полигоне Байконур

Президент Академии наук М.В. Келдыш, упомянутый в книге академик Г.И. Петров, профессор ЦНИИМАШ И.А. Паничкин и Зам председателя Военно-промышленной комиссии профессор- доктор физико-математических наук А.А. Космодемьянский, приглашенные на полигон НИИП-5 С.П., чтобы послушать доклад Я.И. Колтунова и предложения его по коренному упрощению и удешевлению стартовых комплексов для ракет Р-7 и для всех последующих ракетных комплексов с ракетами-носителями стратегического и космического исследовательского назначения. И таких – множество замечаний по тексту это удивительной книги ни о чем, кроме восхваления или неправды или полуправды. К сожалению, очевидно, по инициации О.В. Гурко в книге А.И. Зузульского, воспринявшего «информацию» О.В. Гурко без ее проверки и добросовестной оценки поддерживается курс взятый О.В. Гурко после его прихода в дружную до того группу начального (1948-1951гг.) состава на интриги, неприглядные усилия по разделению этой группы, отчуждения от неё активных участников, препятствующим О.В. Гурко в его недостойной «деятельности» по самопрославлению, замалчиванию или присвоению им реальных заслуг и результатов работ других членов группы или коллективов, по стремлению оставить в группе только угодных ему. Эта тёмная «деятельность» человека, пришедшего в группу М.К. Тихонравова позже других, по нарастающей развивалось, особенно в последние годы жизни М.К. Тихонравова и позднее. Пытались не раз расформировать Группу и командование НИИ-4, правда в основном в интересах выполнения Институтом чисто военной тематики... а О.В. Гурко стремился разделить Группу, отделить Я.И. Колтунова и А.В. Брыкова от М.К. Тихонравова и это сделать в своих личных интересах, используя и для этой книги фигуру преднамеренного умолчания и присвоения заслуг других, проведения интриг и подковёрной деятельности.

Примеры такой нечестной подковёрной, карьеристской деятельности О.В. Гурко: присвоение им себе обращений к С.И. Вавилову и Б.Н. Юрьеву, организации в МАИ Стратосферной Секции АНТОС, умолчание о большой работе в МАИ до него кружков ракетно-космического направления, манипулирование истинным составом группы во времени ее работы, представление себя «мэтром», дающим задания действительным инициаторам в барски пренебрежительном тоне, в части истории космических кружков, в части оповещения для фотографирования с М.К. Тихонравовым на его квартире членов неполной группы – без А.В. Брыкова и Я.И. Колтунова, (он попросту скрыл, что им организуется такая съемка в марте 1970г): также искусственно в книге А.И.Зузульского на стр. 330 на фотографии по его указанию отрезаются сидящие в первом ряду члены группы М.К. Тихонравова рядом с О.К. Паровиной – женой М.К. Тихонравова, Я.И. Колтунов и А.В. Брыков: он на стр. 210 утверждает, что якобы «проблема защиты стартового устройства» ракеты Р-7 была решена в НИИ МАП», в состав – «окончательной» группы – так называемой «великолепной восьмёрки» его «информация» А.И. Зузульскому уже не включает Я.И. Колтунова активно участвовавшего в разработках и автора Предложений 1952-1953гг «О возможности и необходимости создания Искусственного Спутника Земли», автора комплексных разработок 1956-1957гг.- «Предложений о создании НИИ ракетного транспорта и освоения космоса», Предложений 1957 г. «О развитии мирных направлений ракетной техники», в отчётах по обоснованию и выбору двигательной установке для третьей ступени ракеты-носителя космических кораблей и аппаратов. по анализу влияния космических лучей на космонавта, в теоретических и практических работах по теоретическому и экспериментальному исследованию волновой структуры и автомодельности одиночных и составных холодных и высоконагретых сверхзвуковых свободных и растекающихся после встречи с газоотражателем газовых струй, их моделированию и расчётах для всех разрабатываемых ракетных двигателей, по ракетным и стартовым комплексам, полигонам, по динамике и по газодинамике старта, пусковым устройствам и стартовым сооружениям, выбору материала и конструкций газоотражателей и газоотводных устройств, по комплексным стартовым измерениям при

первых, наиболее ответственных пусках ракет типа Р-7, Р-7а, Р-9, Р-12, Р-14, Р-16, 8К95, 8К67, 8К82, «Протон», антиракет В- 1000, ракет «Интеркосмос», выбору и расчёту пусковых установок для метеоракет, шахтных вариантов стартов для ракет Р-12у, Р-14У, Р-16У и др., участие в пуске при первом полёте собак на высотной ракете в 1951 г., участие в боевом расчёте и специальных измерениях при первом полёте человека – Юрия Алексеевича Гагарина на искусственном спутнике Земли 12.04.1961г, по обоснованию космических газодинамических лабораторий и орбитальных станций, по разработке способов и средств посадки и перемещения по поверхности Луны, по способам выведения и управлению движением суперкосмических летательных аппаратов, движущихся по квазикеплеровым, смещённым, квазистационарным или синхронным орбитам с гипер- или гипокосмическими скоростями, по системам аварийного спасения личного состава с ферм и башен обслуживания на стартовых комплексах, по транспортным ракетным комплексам с использованием газовой подушки для наземной транспортировки, старта и посадки транспортных многоразовых ракет и др.

Возможно, характерная черта О.В. Гурко, стремление его присвоить себе и даже не упоминать затем чужие научные и организационно - творческие – разработки и достижения, стремление его прилепиться к лидерам научных и технических разработок с их славословием и организационными услугами лидерам без каких-нибудь ценных самостоятельных работ получить право ссылки очернить или принизить при этом заслуги подлинного автора, стремление всеми способами необоснованно выпятить свою фигуру для искусственно создаваемой им «истории» ракетно-космической техники, с необоснованным рекламированием своей деятельности, присвоение им чужих заслуг в инициации и развитии студенческого движения ПТОРКП, искусственная афишизация своей фамилии в придуманных им названиях: «гуркоистория», «гуркоплан, «гуркколёт, «гуркосад» и т.д тоже станут одной из болезней такой «истории», созданной с помощью, А.И. Зузульского, - «младшего приятеля и партнёра» О.В. Гурко.

При этом амбиции О.В.Гурко доходят до смешного